

“ВОТ ЖИЗНЬ МОЯ — ПОБЕРЕГИТЕ...”

В конце 50-х – начале 60-х годов прошлого века в Ленинграде зазвучали голоса поэтов, которым было суждено стать создателями и единственными представителями направления, названного в шутку “горняцкой правдой”. Конечно, и “направлением” это может быть названо не без улыбки. Но то, что в Лито при Горном институте собралась молодёжь, подающая надежды, стало понятно едва ли не сразу.

Называть ли ленинградских поэтов–“горняков” “шестидесятниками”, “пятидесятниками” или ещё как-то – вопрос второй.

Лучше назвать их самих, обозначить важнейшие имена, без которых сегодня невозможно представить ленинградскую поэзию второй половины XX века. Это Владимир Британишский, Леонид Агеев, Олег Тарутин, Александр Городницкий. На какое-то время к этой группе примкнули также Глеб Горбовский и даже Александр Кушнер, – впрочем, последний, пришедший в Лито Горного с филфака, ничего “горняцко-геологического” так и не написал. Вёл знаменитое литобъединение прекрасный человек и поэт Глеб Семёнов – учитель, “идейный вдохновитель”, ученики которого с гордостью именовали себя “рядовыми Глеб-гвардии Семёновского полка”.

...Как-то, ещё в самом начале 60-х в Ленинград приехал Борис Слуцкий. После его выступления была организована встреча знаменитого фронтовика–“шестидесятника” с молодыми “горняками”. Один из них, Александр Городницкий, оставил об этом воспоминания, где в частности, было такое свидетельство:

“...Начали читать стихи. Слуцкий вёл себя властно и, на первый взгляд, бесцеремонно. Он мог оборвать читающего, сбить его каким-то совершенно неожиданным вопросом или категорическим мнением. При всём этом стихи он слушал с огромным вниманием и как будто сразу безошибочно определял их качество. Больше других ему понравились стихи Лёни Агеева, и он тут же заявил: “Вот настоящий поэт. У него ничего не придумано, всё прямо из жизни, а не из книжек. И стихи жёсткие и суровые, в них виден будущий мастер. Вот кто будет большим поэтом!...”

Известно, что Борис Слуцкий помогал напечататься многим молодым поэтам. Однако редактировал он книги всего двух авторов: вторую книгу Станислава Куняева “Звено” и первую – Леонида Агеева с неслучайным названием “Земля”. Стоит заметить, что обе книжки вышли в 1962 году в Москве – несмотря на то, что первая книга Куняева до того выходила в Калуге, а все последующие издания Агеева – в его родном Ленинграде.

Сейчас, по прошествии более полувека, надо признать: Слуцкий не ошибся. Но безвременье последних 30 лет распорядилось так, что большинство поэтов ушедшей эпохи осталось за бортом читательского сознания – и имена их сегодня продолжают пребывать в благодарной памяти читателей старшего поколения, а молодым, увы, ничего не говорят. Остаётся уповать на время, помогая ему в меру сил...

Хочется надеяться, что эта небольшая публикация ранних агеевских стихов, пропитанных запахом земли и ветрами дорог, духом тайги и человеческим теплом, рабочим потом и геологической романтикой, а главное – любовью и участием ко всему живому, хоть отчасти “вернут” поэта Леонида Агеева (1935–1991) современному читателю.

Это и есть его жизнь, которую он так доверчиво вручает сегодня нам со словами:

Вот жизнь моя — поберегите...

Будем же достойны доверия поэта, побережём.

Константин Шакарян

ЛЕОНИД АГЕЕВ

В ЗЕМЛЕ

Ю. М.

*Мы лезли в землю — в камень серый,
к пещерам, в непробудность скал.
А оказались не пещеры,
а оказался бальный зал.
Громады каменных сосуллек,
луга цветов на потолках...
Кто лепит их? Кто их рисует?
Очеловечивает как?
Земли привычной тут не сыщешь,
не разомнёшь в ладонях рук,
нигде воды не встретишь чище,
у наших ног возникшей вдруг;
не осязаемая глазами
(свет фонарей — на камне дна),
когда в ней отразились сами,
тогда и ожила она.
А тишь какая! Тьма какая!
Едва погасишь фонари...
Тут ветер камни не катает,
здесь не дождаться нам зари.
...Уже я плавал над землёю.
Как все, живу я на земле.
Стою сейчас я под землёю.
Сейчас я воду пью в земле.
Ещё что может быть со мною,
иным сегодня, чем вчера?
Мне остаётся стать землёю,
когда тому придёт пора.*

* * *

В. Б.

Палатки наши на ветру —
как паруса земли.
Нам надо выспаться к утру,
чтоб ноги нас несли,
а мы заспорили опять
о чём-то о таком,
что не даёт
 ни крепко спать,
ни думать о другом.
До пены спорим,
 до обид...
А солнце оживёт —
опять наш общий путь лежит
в неведомость болот.
Я каждый шаг твой берегу,
когда ты впереди,
идти спокойно я могу,
когда ты позади.
Идти — наш труд.
Идти — наш пот.
Нам дó смерти — идти...
Шагает рядом с нам спор
и ждёт конца пути.

ИЗ ТАЙГИ

Он срывал рубашку с тела
клочьями.
 Не мог иначе
снять её.
 Она впотела
в тело.
 Тело — как у клячи.
В обомшелой жаркой бане
кости веником распарив,
с добродушной, мирной бранью
выбегал на волю парень.

Снег шипел под утюгами
ног его,
 не мытых вечность.
Солнце всплыло над снегами,
парню прыгнуло на плечи.
Падал он в сугроб с разбега
и махал руками,
 словно
плыл на зорьке через реку,
через искристые волны,
и, вскочив, бежал обратно,
чёрный стыд прикрыв рукою...
Тело розовое в пятнах,
снежной выжженных рекою.

...Пар сквозь щель окна струился,
стлался наземь — быть пурге.
Нынче к людям воротился
заблудившийся в тайге...

* * *

*Проснуться от мысли какой-то
и вспомнить пытаться — какой...
Застонет случайная койка,
тревожа случайный покой
соседей по дальней дороге,
уставших не меньше меня.
Протезами кажутся ноги
к исходу свершённого дня.
Проснуться от мысли, наплывшей
при виденье первого сна,
где были несущие лыжи
и чьё-то лицо — из окна.
Не лыжи — огромные лодки
скользили по синей воде,
по синей траве
и — в полёте —
по синей пустой высоте.
Несли меня дальше и выше
и мимо, всё мимо и прочь.
Качались цветущие вишни,
окно проступало сквозь ночь...
Проснуться от мысли...
А мысли
и не было, может, ей-ей!
И сна отпечаток размылся
на памяти сонной твоей —
водой негатив...
Но однажды
всплывёт с недоступного дна:
“Любимый! Куда ты? Куда ж ты?!” —
надломленный крик из окна...*

* * *

*Я деревом пророс,
и вот я вырос,
раскинулся — созвучный всем ветрам.
Моим корням и сумрачно, и сыро,
светло с утра до вечера ветвям.
Старуха! Привяжи ко мне корову,
краюху доставай из узелка.
Хлеб-соль тебе, мамаша! Будь здорова!
Ходи по свету, ходится пока...
Влюблённые! Свои велосипеды
на час облокотите на меня!..
Искатели! Не все ещё пропеты
полуночные песни у огня!..
Старухе, и корове, и влюблённым,
и облакам, и диким птицам вслед
машу под просветлённым небосклоном,
как мне когда-то... (было или нет?).
Людей, дождей, снегов чередованье,
и снова время на каком-то дню
моё приостановит кольцеванье —
я вновь усну, засохну на корню.
Мужчина за просёлками в посёлке,
тебе — мои последние слова:*

*не надо ни для стула, ни для полки —
спили меня, мужчина, на дрова.
Ты натопи в избе своей пожарче,
скажи: “Моя любимая...” — жене,
ты запали в избе своей поярче
одну из жизней — в память обо мне...*

** * **

*Доверить жизнь свою шофёру,
и потянуться, и уснуть,
и — с горки вниз,
и — снизу в гору,
и ровный путь —
проспать весь путь.
Не знать сомнения и муки,
поверив разом в тормоза,
в шофёра кряжистые руки,
в шофёра цепкие глаза...
День изо дня и год за годом
мы доверяем тут и там
то машинистам, то пилотам,
и докторам, и поварам,
земной жене и Аэлите...
Мы перед многими в долгу.
Вот жизнь моя — поберегите!
А ваши — я поберегу...*